

УДК 159.9.019.43

Божевольнов Г.Ю.
Московский государственный областной университет

АДАПТИВНОЕ И ДЕЗАДАПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

G. Bozhevolnov
Moscow State Regional University

ADAPTIVE AND NON-ADAPTIVE BEHAVIOR AS PSYCHOLOGICAL SCIENCE PHENOMENA

Аннотация. В статье рассматривается феномен адаптивного/дезадаптивного поведения сквозь призму основных психологических школ. Согласно взглядам первой, адаптивное поведение представляется крайне негибким и его польза очевидна лишь в тех условиях среды, в (или для) которых оно было сформировано. По мнению другой школы, существует особое поведение, характерное только для человека, которое может оставаться адаптивным, не отвечая критериям функциональности. В работе определяются основные мультимодальные критерии адаптивного/дезадаптивного поведения.

Ключевые слова: адаптация, поведение человека, приспособление, функциональное поведение, самоэффективность, экспрессивное поведение, конгруэнтность, психоанализ, натуральное поведение, культурное поведение, присвоение общественно-исторического опыта.

Впервые термин «адаптация» получил свою популярность после выхода эволюционной теории Ч. Дарвина, основной идеей которой является учение о том, что сохраняются и дают потомство только те индивиды, которые наилучшим образом приспособлены к среде обитания. Таким образом, процессы биологической адаптации приводят к адаптированности организмов, что означает наилучшее структурно-функциональное соответствие организма (растения, животного) к условиям постоянной среды его обитания.

Ч. Дарвин отмечал, что адаптация как процесс происходит не только на уровне вида (филогенез), но и на уровне одного индивида (онтогенез), вследствие чего принято считать, что любое поведение носит адаптивный характер [3].

Не менее интересными оказались рассуждения В.Н. Помогайбина относительно теории эволюции. В своей книге «История психологии: лица, взгляды, концепции» он рассуждает о том, какое значение для истории психологии имели работы Ч. Дарвина, и приходит к некоторым важным для нас выводам:

– во-первых, «поскольку естественный отбор отсекает все не нужное для жизни, то он истребил бы и психические функции, если бы они не способствовали приспособлению. Это по-

Abstract. The article studies the phenomenon of adaptive / non-adaptive behavior through the views of the main psychological schools. According to one of them, adaptive behavior is extremely inflexible and its benefits become obvious only in those environments in (or for) which it was formed. According to the other school, there exists some specific type of behavior characteristic only for the person, which may remain adaptive even without answering the criteria of functionality. The article defines the basic multimodal criteria of adaptive / non-adaptive behavior.

Key words: adaptation, human behavior, accommodation, functional behavior, self-efficacy, expressive behavior, congruence, psychoanalysis, natural behavior, cultural behavior, acquisition of social and historical experience.

будило рассматривать психику как элемент адаптации организма к окружающей среде... и порождало новый системный стиль мышления, который в дальнейшем привел к выводу, что предметом психологии должно быть не сознание индивида, но его поведение во внешней среде...» [8, с. 147];

– во-вторых, В.Н. Помогайбин акцентирует наше внимание на термине «целесообразность», который, с нашей точки зрения, является тождественным понятию «адаптивность». В связи с этим мы начинаем понимать, что «приспособленность видов... всегда относительна и полезна лишь в тех условиях среды, в которых виды длительное время существуют» [8, с. 147].

Эти рассуждения наталкивают нас на мысль о том, что сам процесс адаптации следует рассматривать в контексте поведения, погруженного в определённые условия среды. Такими условиями, с нашей точки зрения, должны и могут являться требования, представляемые к поведению человека со стороны общества.

Однако достаточно сложно выявить чёткие критерии адаптивного поведения в психологической науке, основываясь лишь на теории Ч. Дарвина. Это побудило учёных и далее обозначать адаптивное поведение в качестве предмета своих исследований. Посмотрим более подробно на доступные нам исследования касательно данной проблематики.

Исторически так сложилось, что в большей мере проблемами адаптивного поведения занимались учёные, работающие в бихевиоральной парадигме, поэтому нам необходимо остановиться на взглядах учёных, работающих в рамках поведенческого подхода.

Один из основоположников бихевиоризма Дж. Уотсон занимался исследованием личности сквозь призму приспособительного поведения и в своей статье «Психология как наука о поведении» указывает, что этот способ рассмотрения личности требует «как будто нормы для приспособленности и как будто предполагает, что такая норма действительно существует» [13].

Однако в своих исследованиях он даже не пытается её определить, и вопрос о том, будут ли когда-нибудь существовать научные и точные нормы адаптивного поведения, его не занимал [13]. Он лишь вскользь упоминает об условной норме адаптивного поведения, которая, с его точки зрения, носит практический характер и основана на здравом смысле.

Гораздо большую ценность в нашей работе будут представлять взгляды Дж. Уотсона касательно дезадаптивного поведения, которое он рассматривал сквозь призму видоизменения навыков. Если организм не способен изменить старый навык в новой среде, то индивидуум остаётся в постоянно неприспособленном состоянии, а навык становится «извращённым». Человек с «извращённым» навыком не находится в контакте со своей средой (Дж. Уотсон имеет в виду социальную среду).

Принимая такой подход, логично было бы предположить, что адаптивное поведение, с точки зрения Дж. Уотсона, можно измерить количеством «контактов с социальной средой», что представляется вполне логичным.

Также нам интересны взгляды на феномен адаптивного поведения одного из пионеров бихевиористского движения Э. Торндайка, который рассматривал всю человеческую психику и поведение как систему реакций организма на внешние раздражения, посыпаемые средой, и внутренние раздражители, возникающие в самом организме [12].

При этом Э. Торндайк не дифференцировал адаптивное и дезадаптивное поведение. Он считал, что новорождённый ребёнок уже в минуту своего рождения наделён всеми функционирующими рабочими органами и является наследником громадного родового капитала приспособительных, безусловных реакций. Однако, при всей своей целесообразности, они медленно изменяются. Поэтому существует форма приспособлений посредством изменения поведения без изменения в организаций. Сама реакция организма (поведение) рассматривается им как адаптация.

Однако, согласно концепции Э. Торндайка, существуют механизмы, нарушающие адаптацию – это посторонние раздражители, которые имеют достаточную силу, чтобы сформировать случайную условную реакцию или затормозить уже сформированную.

Таким образом, можно предположить, что, с точки зрения Э. Торндайка, дезадаптивное поведение характеризуется наличием случайных условных реакций, а адаптивное – их отсутствием.

Продолжил и дополнил взгляды вышеупомянутых учёных Б.Ф. Скиннер, который описывал оперантное обусловливание как отбор поведения через его последствия. Он также сравнивал этот отбор с эволюционным принципом естественного отбора, в процессе которого организмы отбираются на основе их соответствия конкретному окружению. Однако поведенческий отбор происходит стремительнее и не требует участия генетических механизмов, по сути – это способность научаться из опыта [11].

Б.Ф. Скиннер часто критиковал людей «невежественных», не знающих причин поведения, и призывал прекратить использовать надуманные объяснения в качестве научно-аналитического метода. Исходя из таких соображений, в своих работах он применяет термин «желательное/нежелательное поведение» как альтернативу нормальному/отклоняющемуся и адаптивному/дезадаптивному поведению [14].

Эти положения радикального бихевиоризма обращают наше внимание не на адаптивность поведения, а на наличие желания в существовании какого-либо поведения и привносят довольно большой спектр методов модификации.

Рассматривая феномен адаптивного поведения, нельзя не остановиться также на взглядах основателя теории социального обучения А. Бандуры.

В своей теории он привносит много нового для науки. Его теория произвела революцию в умах учёных. И вместе с тем, вопреки общему мнению, как пишет в предисловии к переводу книги «Теория социального науче-

ния» Н.Н. Чубарь, и мы не можем с этим не согласиться, в работах А. Бандуры центральное место занимает не социальное обучение, а понятие «самоэффективность».

С точки зрения А. Бандуры, адаптивным является «самоэффективное» поведение, то есть равенство намерений поведения его результату [1]. При этом здесь важно прояснить, что под словом «намерение» А. Бандура призывает понимать ожидание «самоэффективности», а не ожидание результата. Обосновывается это тем, что человек может ожидать от каких-либо действий определённого результата, но не верить, что сам способен произвести эти действия.

Подход А. Бандуры, с одной стороны, дополняет подход Б.Ф. Скиннера, а с другой – привносит совершенно чёткий критерий адаптивности поведения – самоэффективность.

Несмотря на наличие критериев адаптивного поведения в вышеописанных подходах, взгляд на проблематику только с точки зрения бихевиоральной парадигмы представляется нам неполным. Поэтому нам необходимо проанализировать другие концепции, рассматривающие адаптивное или дезадаптивное поведение в той или иной степени. Одним из таких направлений является гуманистическая психология, которая по своей сути не противоречит бихевиоральной парадигме, а во многом дополняет её и является синергичной ей.

Одним из ярчайших представителей гуманистической психологии является Г. Олпорт, который в своих рассуждениях пришёл к одному очень интересному выводу. Суть этого вывода заключается в том, что человек, приспосабливающийся к «нормам» поведения, является скучной посредственностью. Также Г. Олпорт говорит о том, что простая посредственность не сможет выжить в современном мире. «Кривая нормального распределения – говорит он, – не оставляет нам надежды на спасение» [7, с. 36]. Поэтому в своих работах он выделяет два вида поведения человека – «адаптивное поведение» и «экспрессивное поведение».

В своих работах он писал, что «экспрессивная часть поведения проистекает из глубинных детерминант, функционирующих, как правило, бессознательно и без усилий» [5, с. 429]. Адаптивную же часть поведения он считал более ограниченной системой, определяемой моментом и зависимой от стимуляции, волевого усилия или навыков. «Причина данного поведенческого акта, – писал Г. Олпорт, – в существующих в данный момент желаниях и намерениях индивида (хотя они, в свою очередь, могут проистекать из более глубоких личностных черт и интересов), но стиль исполнения всегда направляется прямо и без помех глубокими устойчивыми личностными диспозициями» (цит. по [5, с. 430]).

Упоминая о критериях измерения данных понятий, он указывает, что наиболее валидной единицей анализа, применимой для изучения различия в поведении разных людей, является *черта личности*, которая определяется им как некая нейропсихическая структура [15].

Тем не менее в своих исследованиях Г. Олпорт использовал такие критерии, которые, по его словам, могут дать возможность классифицировать поведение с точки зрения вызванного акта, например, выражение лица, походка, голос, почерк. Он полагал, что не следует обращать внимание лишь на какой-то один тип экспрессивного поведения, поскольку все они важны и пополняют наше знание об индивиде.

Труды Г. Олпорта очень сильно повлияли на воззрения основателя гуманистического направления в психологии А. Маслоу. Для нашего исследования его взгляды на адаптивное поведение являются ценными, так как именно они расширили границы психологии в понимании изучаемого нами феномена.

Главное и основное отличие взгляда А. Маслоу на адаптивное поведение от бихевиоральной концепции выражается в том, что само понятие адаптации (точнее, бихевиоральное его понимание) является негативным. Он говорил, что бихевиоральная концепция все подчиняет идею сохранения

жизни – выживания. Но, по мнению А. Маслоу, науке следует сконцентрироваться на том, чтобы сделать эту жизнь достойной, а альтернативой адаптивному поведению может стать понятие самоактуализации [6].

При этом А. Маслоу утверждает, что самоактуализирующаяся личность в большей мере ведёт себя экспрессивно. Для него экспрессивное поведение является «полезным», а адаптивное (функциональное) – «вредным». Тем не менее эти два вида поведения не противопоставлены друг другу – «они устремляют развитие организма в одном и том же направлении».

Такой анализ является для нас прикладным, но не менее важным. Ведь если мы говорим, что поведение человека не отвечает функциональным критериям, то оно дезадаптивно, но идеи А. Маслоу открывают нам третью сторону – экспрессивное поведение, которое может оставаться адаптивным, не отвечая критериям функциональности.

Среди различий функционального и экспрессивного поведения А. Маслоу выделяет следующие:

- функциональное поведение по определению целенаправленно и мотивировано, а экспрессивное поведение часто бывает немотивированным;

- функциональное поведение в большей степени детерминировано внешними – средовыми и/или культуральными – переменными, экспрессивное же поведение детерминировано главным образом состоянием организма;

- функциональное поведение легко понять как результат обучения, в то время как экспрессивное поведение скорее антагонистично обучению, оно представляет собой результат высвобождения, раскрепощения подавленных внутренних тенденций;

- функциональное поведение достаточно хорошо поддаётся контролю (подавлению, аккультурации), экспрессивное поведение, в свою очередь, обычно неконтролируемо, а порой даже принципиально неподконтрольно;

- функциональное поведение обычно устремлено к изменению текущей внешней

ситуации и, как правило, оно достигает этой цели. В противовес этому экспрессивное поведение не направлено на внешний объект: если оно и вызывает какие-то внешние изменения, то делает это непредумышленно;

– функциональное поведение – это поведение-средство, оно нацелено на удовлетворение тех или иных потребностей организма или на устранение возникшей угрозы, а экспрессивное поведение чаще всего самоцельно;

– функциональный компонент поведения, как правило, осознается индивидуумом (хотя, может быть, и неосознанным), в отличие от этого экспрессивный компонент обычно не осознаем;

– функциональное поведение предполагает некоторые усилия со стороны индивидуума; экспрессия в большинстве случаев не требует усилий.

Таким образом, по критериям, описанным выше, мы можем отличить функциональное и экспрессивное поведение, но вот различить дезадаптивное и экспрессивное между собой представляется достаточно проблематичным.

Ключом к разгадке может стать само понятие самоактуализации. И, хотя в своих работах А. Маслоу пишет, что точного набора симптомов для ее определения нет, все-таки попытка умозрительно представить характеристики самоактуализации была им предпринята в книге «Мотивация и личность» в качестве описания анализа впечатлений, оставшихся после общения с друзьями, родственниками и посторонними пожилыми людьми на темы, так или иначе связанные с «самоактуализацией».

Развил и дополнил концепцию о самоактуализирующейся личности Э. Шостром. Он описал основные характеристики самоактуализации и на основании этого разработал «Опросник личностной ориентации», который позволяет измерить ценности и поведение, связанные с самоактуализацией. Опросник включает в себя следующие основные и дополнительные шкалы, которые имеют высокую корреляцию с «самоактуализацией»:

1. шкала поддержки, которая определяет степень независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне. Считается, что самоактуализирующиеся люди независимы;

2. шкала компетентности во времени измеряет то, в какой степени человек живет в настоящем, а не концентрируется на прошлом или будущем. Самоактуализирующиеся люди в основном компетентны во времени [10].

Согласно субшкалам теста самоактуализация также включает в себя дополнительные шкалы: ценность самоактуализации, экзистенциальность, эмоциональную реактивность, спонтанность, заботу о своих интересах, самопринятие, природу человека, синергизм, приятие агрессии и способность к близким отношениям.

Вышеописанные критерии достаточно сильно взаимосвязаны, поэтому для наших целей мы можем позволить себе не вникать в суть дополнительных шкал, рассмотрев подробно только основные.

Среди учёных, работающих в гуманистическом направлении, особо можно отметить работы К. Роджерса, в которых говорится об изучении «приспособленного человека» в рамках Я-концепции.

Подход К. Роджерса заключается в том, что относительно феномена адаптивного поведения он ввёл важный научный факт – способность к ответственному личному выбору, которая является одним из наиболее важных принципов человеческого поведения [9].

Более того, в своих исследованиях К. Роджерс приходит к понятию «полноценно функционирующей личности», основным критерием которого является восприятие себя человеком с точки зрения собственной «приспособленности». Для оценки приспособленности К. Роджерс использовал ряд утверждений о «себе реальном» и «себе идеальном». Степень соответствия этих показателей и послужила критерием оценки «полноценно функционирующей личности».

Вдохновлённые работами К. Роджерса, учёные К. Холли Г. Линдсей установили оп-

тимальную величину корреляции +0,58 между идеальным и реальным представлением у человека. Слишком низкая же корреляция, по их мнению, ведёт к таким страданиям, что страждущий нуждается в терапии. В то же время слишком большая удовлетворённость собственным реальным «Я» означает патологию. «Наивысший из полученных коэффициентов (+0,90) был отмечен у человека явно патологического склада. Корреляции, приближающиеся к 1, можно ожидать только у самодовольных психопатов, в частности, параноидных шизофреников» [7, с. 40].

Также в описании «полноценно функционирующей личности» К. Роджерс использовал термин «конгруэнтность» как согласованность переживания и сознавания. Измерять степень «конгруэнтности» в поведенческих проявлениях К. Роджерс предложил с помощью сообщений (не обязательно вербальных) о сознавании переживания другим.

Идеи психологов, работающих в гуманистической концепции, расширили и дополнили наше понимание адаптивного поведения, но для полного исследования феномена адаптивного поведения этого недостаточно. Вопреки общепринятым мнению, многие идеи психоаналитической теории З. Фрейда непосредственно связаны с феноменом адаптивного поведения. Рассмотрим их более подробно.

Несмотря на всю важность исследования первоисточников, мы не будем обращаться к работам основателей психоанализа и пытаться преломлять их сквозь призму адаптивного поведения, потому что такая работа уже существует и во многом мы с ней согласны. В своей книге «Эго-психология и адаптация» Х. Хартманн попытался создать внутри рамок психоаналитической эго-психологии основу для теории человеческого поведения в целом, как нормального, так и аномального [16].

Суть взглядов Х. Хартманна заключается в рассмотрении адаптации как непрерывно продолжающегося процесса, который имеет свои корни в биологической структуре, отражающими постоянные попытки эго сбалан-

сировать внутрисистемные и межсистемные напряжения [16].

Что же касается адаптивного поведения, то Х. Хартманн считает, что в психоанализе под рациональным поведением подразумевается противоположность невротическому поведению как измерительному средству нормальности, как цели терапевтических усилий и т. д. При этом Х. Хартманн также призывает использовать понятие адаптивного поведения в качестве такой же цели и измерительного средства. Исходя из таких размышлений, мы можем предположить, что два вышеперечисленных понятия в психоанализе тождественны.

В качестве центрального понимания невротического поведения выступает самообман, который сопровождается неправильными суждениями о внешнем мире и о себе. Х. Хартман пишет, что значительная часть психоанализа может быть описана как теория самообманов. В ходе психоаналитического процесса человек учится смотреть в лицо собственному психическому содержанию как объекту опыта и осмыслиения и видеть в нем части причинной сети. Таким образом, заключает Х. Хартманн, психоанализ является наивысшим развитием мышления, направленного на внутреннюю жизнь, так как он исправляет и регулирует адаптацию и приспособление (со всеми биологически значимыми для индивида последствиями, которые при этом подразумеваются).

Особого внимания в понимании адаптивного и дезадаптивного поведения заслуживают работы отечественных психологов.

В своей работе «Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок» Л.С. Выготский и А.Р. Лурия рассматривают эволюцию приспособительных механизмов сквозь призму развития поведения человека [2].

При изучении феномена адаптивного поведения Л.С. Выготский и А.Р. Лурия в первую очередь обращают наше внимание на то, что процесс исторического развития поведения человека и процесс его биологической эволюции не совпадают, один не является продолжением другого, но каждый

из этих процессов подчинен своим особым законам.

Это легко доказывается несколькими тезисами, описанными в «Этюдах истории поведения».

Изначально, с точки зрения Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, следует различать инстинкты и условные рефлексы. Если инстинкты служат средством приспособления к таким условиям среды, которые являются более или менее постоянными, закрепленными, устойчивыми, то условные рефлексы представляют собой гораздо более гибкий, тонкий и усовершенствованный механизм приспособления к среде, сущность которого заключается в том, что наследственные инстинктивные реакции приспособливаются к индивидуальным, личным условиям существования.

Следуя дальнейшей логике Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, мы обращаем внимание на некоторую беспомощность инстинктов и условных рефлексов в условиях приспособления к новым обстоятельствам и условиям, с которыми сталкивается индивид, и принимаем для себя, «что работа интеллекта начинается там, где деятельность инстинкта и условных рефлексов прекращается или задерживается».

В активной встрече со средой человек вырабатывает умение пользоваться вещами внешнего мира как орудиями или как знаками; сначала это функциональное использование их носит наивный, неадекватный характер («магическая» фаза). Далее человек перерастает их, вырабатывая умение пользоваться своими собственными нервно-психическими процессами как приемами для достижения определенных целей. Натуральное поведение превращается в культурное; воспитанные социальной жизнью внешние приемы и культурные знаки становятся внутренними процессами.

В результате изучения трудов Л.С. Выготского и А.Р. Лурии можно предположить, что в качестве адаптивного поведения выступает культурное поведение, а в качестве дезадаптивного – натуральное (непосредственное приспособление).

А.Н. Леонтьев развил и дополнил взгляд на «приспособительное поведение», обозначенный Л.С. Выготским и А.Р. Лурия.

Он также считал, что приемы и средства поведения наследуются ребенком не биологически, а исторически, т. е. он усваивает их под влиянием социальной среды, которая, таким образом, не только выступает перед ним в качестве объекта приспособления, но вместе с тем сама создает условия и средства для этого приспособления.

Однако в основе его теории основное противопоставление делалось не в контексте «культурное – натуральное» приспособление, а в контексте «приспособление – присвоение».

Согласно мнению А.Н. Леонтьева, основное различие между процессами приспособления в собственном смысле и процессами присвоения, овладения состоит в том, что процесс биологического приспособления есть процесс изменения видовых свойств и способностей организма и его видового поведения [4]. Процесс же присвоения является процессом, в результате которого происходит воспроизведение индивидом исторически сформировавшихся человеческих способностей и функций, а именно воплощение в свойствах индивида достижений развития вида.

Присвоение общественно-исторического опыта создаёт изменение общей структуры процессов поведения и отражения, формирует новые способы поведения и порождает подлинно новые его виды и формы. Поэтому механизмы процесса присвоения имеют такую особенность, что это «суть механизмы формирования механизмов».

Исходя из взглядов на адаптивное поведение представителей разных психологических концепций, мы можем предположить, что феномен адаптивного/дезадаптивного поведения заключается в том, что «адаптивное поведение» (с точки зрения функциональности) и «адаптивное человеческое поведение» имеют ряд отличий.

С одной стороны, адаптивное поведение крайне негибко, и его польза очевидна лишь

в тех условиях среды, в (или для) которых оно было сформировано. Таким образом, если организм не способен изменить старый навык в новой среде, то индивидуум остаётся в постоянно неприспособленном состоянии, пока не сформируется новое функционально адаптивное поведение. При этом велика роль посторонних раздражителей, которые имеют достаточную силу, чтобы сформировать случайную условную реакцию или затормозить уже сформировавшуюся. Но, обладая знаниями о механизмах формирования адаптивного поведения, мы можем его успешно контролировать и рассматривать в контексте «желаемое/нежелаемое поведение».

С другой стороны, существует ряд мнений о существовании особого поведения, характерного только для человека, которое может оставаться адаптивным, не отвечая критериям функциональности. Среди них можно отметить понятия: «самоактуализация», «полноценно функционирующая личность», «психоанализ», «культурное поведение», «присвоение».

Тем не менее, несмотря на все различия, в человеке одновременно присутствуют оба вида адаптивного поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бандура А. Теория социального научения / пер. с англ.; под ред. Чубарь Н.Н. – СПб., 2000. – 320 с.
2. Выготский Л.С. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок / Лурия А.Р. – М., 1993. – 224 с.
3. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора / пер. с англ. К. Тимирязева / под ред. Н. Вавилова. – М., 2009. – 320 с.
4. Леонтьев А.Н. Эволюция психики. – М.; Воронеж, 1999. – 416 с.
5. Линдсей Г., Холл С. Теории личности / пер. с англ. И. Гриншпун. – М., 2008. – 672 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А.М. Татлыбаевой. – СПб., 1999. – 478 с.
7. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л.В. Трубицыной и Д.А. Леонтьева. – М., 2002. – 462 с.
8. Помогайбин В.Н. История психологии: лица, взгляды, концепции. – М., 1999. – 197 с.
9. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. М.М. Исениной; под ред. Е.И. Исениной. – М., 1994. – 478 с.
10. Рукавишников А.А. Опросник личностной ориентации (ЛиО): практическое руководство. – М., 2002. – 96 с.
11. Скиннер Б.Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль: Тексты / пер. А. Гараджи. – М., 1994. – С. 30-46.
12. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии / пер. с англ. Е.В. Герье. – М., 1998. – 701 с.
13. Уотсон Дж. [Электронный ресурс] // Психология как наука о поведении [сайт]. [2012]. URL: <http://behavior.romek.ru/watson1.htm> (дата обращения: 12.12.2012).
14. Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Радикальный бихевиоризм. Б. Скиннер / Пер. с англ. Н. Муравьева. – М., 2007. – 128 с.
15. Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Теории личности и личностный рост. – М., 2004. – 657 с.
16. Хартманин Х. Эго-психология и проблема адаптации / пер. с англ. И.Б. Гриншпун. – М., 2002. – 160 с.